

З. Н. Кириллова

ЧУВАШСКИЕ СЛОВА В КРЯШЕНСКИХ ГОВОРАХ*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия*

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию чувашских заимствований в говорах кряшен, или крещеных татар, – этноконфессиональной группы татар Поволжья и Приуралья. Предметом исследования выступают чувашские заимствования, которые употребляются у молькеевских (подберезинских) кряшен, проживающих в Кайбицком районе Татарстана на границе с Чувашией в тесном взаимодействии с соседними чувашами. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью чувашских заимствований в говорах кряшен. Для достижения поставленной цели исследования автором были использованы описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод извлечения необходимого материала, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа. В основу исследования положены материалы, которые собраны автором, а также текстологические исследования предшественников.

В результате исследования было установлено, что молькеевская группа кряшен и по вопросам происхождения, и по языковым особенностям вызывает различные мнения среди ученых. Автор пришел к выводу, что исследованные чувашские заимствования относятся к различным отраслям жизнедеятельности, среди которых можно выделить названия дней недели: *тунди кен* (понедельник), *утлари кен* (вторник); продукты: *кәкәй* (мясо // мясной); свойства: *чапле* (хороший, красивый), *кукша* (лысый), *чылай* (давно); мифический персонаж *кырсут* (домовой) и т. д. Слова были проанализированы в сравнении с чувашскими эквивалентами. В работе также были рассмотрены основные головные уборы молькеевских кряшен, которые представляют собой древний элемент одежды тюркских народов Среднего Поволжья, Приуралья и имеют соответствия в чувашском языке: *такыя / тухья, тастар, кашпау / хушту*.

Ключевые слова: кряшены, крещеные татары, говоры, чувашские заимствования, головные уборы, татарский язык, чувашский язык

Z. N. Kirillova

CHUVASH WORDS IN SUBDIALECTS OF BAPTIZED TATARS*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia*

Abstract. This article is devoted to the study of Chuvash borrowings in the subdialects of the Kryashens or Baptized Tatars, the ethno-confessional group of Tatars from the Volga and Cis-Urals regions. The work analyzes the Chuvash borrowings that are used by Molkeevskie (Podberezhinskie) Kryashens living in the Kaybitsky district of Tatarstan on the border with the Chuvash Republic closely with neighboring Chuvashes. The relevance of this study is due to the lack of study of the Chuvash borrowings in the Kryashen subdialects. To achieve the goal of the work, the author used the following methods: a descriptive method, a method for analyzing dictionary definitions, a method for extracting the necessary material, as well as a method for comparative analysis. The study is based on the materials that the author collected, as well as textual studies of the predecessors.

As a result of the study, it was found that researchers have various on the origin and linguistic characteristics of this group of Kryashens. The author concluded that the investigated Chuvash borrowings are used in various aspects of life, including the names of the days of the week: *tundi ken* (Monday), *utlari ken* (Tuesday); products: *kəkə* (meat//meat); properties: *chapple* (good, beautiful), *kuksha* (bald), *chylaj* (long time); mythical character *kyrsut* (folklore house spirit), etc. The words were analyzed in comparison with the Chuvash equivalents. The work also studies the standard head coverings of the Molkeevsky Kryashens,

being an ancient element of the clothes of the Turkic people living in the Middle Volga and the Cis-Urals regions. These head coverings have corresponding names in the Chuvash language: *takya/tukhya*, *tastar*, *kashpau/khushpu*.

Keywords: *Kryashens, Baptized Tatars, subdialects, Chuvash borrowings, head coverings, Tatar language, Chuvash language*

Введение. Некоторые группы кряшен в зависимости от мест проживания заимствовали слова от соседних народов. По численности таких слов немного, и в основном они наблюдаются лишь в речи кряшен, происходивших из этих народов либо живущих в деревнях со смешанным населением. Например, чувашские заимствования имеют место у молькеевских кряшен, которые иногда называются подберезинскими. Это небольшая локально-территориальная группа, компактно проживающая в Кайбицком районе Татарстана на границе с Чувашией. В научной литературе название этой группы менялось в зависимости от того, какие деревни служили районными центрами: Молькеево, Подберезино или Кайбицы, однако наиболее распространенным и укорененным в этнографической литературе является название «молькеевские кряшены» [1, с. 5], [11].

Кряшены этой группы живут в восьми деревнях: Хозесаново (Хужа Хэсэн), Старое Тябердино (Иске Тэрбит), Большое Тябердино (Зур Тэрбит), Янсурино (Сыравыл), Баймурзино (Баймырза), Молькеево (Мэлки), Старый Кырбаш (Иске Кырбаш) и Полевая Буа (Кыр Буасы). Кряшены и чуваша соседних деревень с давних времен общались между собой, поддерживали семейные и культурно-экономические отношения, в силу чего в речи кряшен появились чувашские слова, на исследование которых нацелена данная статья. Проблема выявления и анализа чувашских заимствований в кряшенских говорах не изучена в отдельной работе, что подтверждает новизну темы исследования.

Теоретической основой работы послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, направленные на изучение истории, духовной и религиозной культуры, языковых особенностей, обычаев и традиций кряшен и чувашей.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью чувашских заимствований в говорах кряшен. Необходимость изучения данной темы вызвана также повышенным вниманием к кряшенским говорам, их языковым особенностям и истории.

Материал и методы исследования. В работе использованы описательный метод, метод анализа словарных дефиниций, метод извлечения необходимого материала, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа. В основу исследования положены материалы, которые собраны автором, а также текстологические исследования предшественников.

Результаты исследования и их обсуждение. По вопросу о формировании молькеевских кряшен высказывались различные мнения. В их определении использовались такие понятия, как «отатарившиеся чуваша» (А. Комиссаров, А. Пчелов); «татары, испытавшие чувашское влияние» (А. Риттих, Н. Золотницкий, В. Магницкий, Г. Филиппов); «и чуваша, и татары» (Миролюбов) и т. д. Нам показалось особенно интересным мнение Н. И. Воробьева, который считал, что правобережные кряшены – соседи чуваш <...>, возможно, представляют незаконченную в процессе формирования обеих народностей, группу из одного общего болгарского корня [6, с. 4], т. е. из общего корня для татар и чувашей того периода, когда процесс этнической дифференциации этих двух этносов еще не был завершен [9, с. 225].

В результате последних исследований было определено, что данные языка и материальной культуры молькеевских кряшен позволяют предполагать в качестве как древних, так и более поздних этнокультурных компонентов в формировании этой группы: татарско-

мишарский, чувашский низовой (анатри), поволжско-финноугорский и кыпчакско-ногайский [11, с. 4–7], [1, с. 5–6]. Специалист по говорам кряшен Ф. С. Баязитова рассматривает молькеевских кряшен в составе мишарского диалекта татарского языка, но в то же время отмечает языковые особенности среднего диалекта, а также находит и влияние чувашского языка [4, с. 44–48]. Р. Г. Ахметьянов подчеркивает, что в чувашском языке имеет место древнемишарское наслоение, объясняемое как результат проникновения в этнический состав чувашей мишарского элемента [3, с. 86, 204], [9, с. 228]. Д. М. Исхаков предполагает, что мишарское влияние на язык молькеевских кряшен могло быть оказано и через их чувашский компонент. Таким образом, можем утверждать, что вопросы формирования и определения основных языковых и этнокультурных особенностей этой группы остаются до конца не решенными [10, с. 73], [16, р. 27].

Чувашские заимствования у молькеевских кряшен в основном употребляются в повседневной жизни, относятся больше к бытовой лексике, так как наиболее проницаемой для иноязычных воздействий, идущих со стороны языка-субстрата или суперстрата, является общеупотребительная лексика [2, с. 14]. Обратим внимание на некоторые из них.

Тунди кен (понедельник) – чувашский эквивалент этого слова *тунтикун* [7, с. 290], [15, с. 176], в татарском литературном языке употребляется *дүшәмбе*.

Утлари кен (вторник) – в чувашском языке *ытларикун* [7, с. 62], [15, с. 575], в татарском литературном языке используется слово *сишәмбе*.

Кәкэй (мясо // мясной) – чувашский эквивалент *какай*, а также в таком же значении больше употребляется слово *аш* [7, с. 194]; [15, с. 130], в татарском языке используется слово *ит*. Интересно, что в «Этимологическом словаре чувашского языка» происхождение слова *какай* связывается с монгольским словом *гакай*, *гахай* ‘свинья’ [8, с. 85], [13, с. 213]. По предположению В. Г. Егорова, чуваша первоначально, по-видимому, только свинину называли *какай*, а позднее и говядину [8, с. 85].

Кукиа (лысый) – *пеләш*, в чувашском языке *кукиа* – 1. плешь, плешина, лысина // плешивый, лысый; 2. лысина, обсевок; 3. парша (болезнь) [15, с. 176], хотя слова «плешь» и «плешивый» по «Русско-чувашскому словарю» имеют и другие переводы [7, с. 271]. По мнению М. Р. Федотова, слово *кукиа* восходит к тюркскому *какша* ‘сохнуть, сыпаться’ (о зерне перезрелого на корню хлеба (алт.)); ‘расслабить, раскалиться, растопиться’ < как ‘сушенный; твердый; сухой’ [13, с. 304].

Кырсут (домовой) – по-татарски *йорт иясе*, в чувашском языке *хёртсурт* [7, с. 97], однако в «Чувашско-русском словаре» это слово представлено как устаревшее [15, с. 499].

Чапле (хороший, красивый) – в татарском литературном языке *яхшы*, *матур*. В чувашском языке *чаплӑ* вместе со словами *мухтавлӑ*, *хисеплӑ*, *лайӑх* выражает значение ‘славный’ [7, с. 389], а также переводится как 1. знаменитый, прославленный; 2. важный, высокий // важно; 3. торжественный, пышный; великолепный; роскошный // пышно; великолепно, роскошно [15, с. 524].

дЖекрӑс (близнецы) – в татарском языке *игез*, *игезӑк*. В чувашском языке для выражения данного значения употребляется слово *йӑкӑреш ача* [7, с. 30], а в чувашско-русском словаре дается только *йӑкӑреш* для перевода слов «близнецы», «двойня» [15, с. 121].

Чылай (давно) – в татарском литературном языке *күптән*. Чувашский вариант данного слова на русский язык переведен как 1. изрядный, значительный // изрядно, значительно; 2. много, довольно много, порядочно; 3. долго, продолжительно [15, с. 544–545].

Тетерӑ (туман) – по-татарски *томан*, в чувашском языке *тётре* вместе со словом *янкар* также применяется в данном значении [7, с. 439]. Кроме этого, слово *тётре* выражает также значения ‘маревое’, ‘дымка’ и ‘изморось’, ‘мелкий дождь’ [15, с. 425].

Алдыр (большой деревянный ковш для домашнего пива) – по-татарски *чүмеч*. В чувашском языке *алтӑр* – 1. большой ковш (Алтӑр җалтӑр – Большая Медведица);

2. корытце, лоток, желоб [15, с. 30]. По мнению М. Р. Федотова, слово *алтӑр* образовано от тюркского алт-, но в других тюркских языках, кроме башкирского, не представлено: башк. *алдыр* – большая деревянная чаша (ковш) [13, с. 37].

Исследовав чувашские заимствования молькеевских крышен, мы пришли к выводу, что они относятся к различным отраслям жизнедеятельности, среди которых можно выделить названия дней недели: *тунди кен* (понедельник), *утлари кен* (вторник); продукты: *кӑкӑй* (мясо // мясной); свойства: *чапле* (хороший, красивый), *кукша* (лысый), *чылай* (давно); мифический персонаж *кырсут* (домовой) и т. д.

У молькеевских крышен одежда и украшения также похожи на чувашские: *такья*, *тастар*, *тастар яулыгы*, *ак калфак*, *кашпау* и др., однако их названия заимствованы из других языков, лишь *кашпау* является тюркским словом.

Девушки молькеевских крышен в праздничные дни надевали монетную шапочку *такья*. Она имела полусферическую форму, сверху шапочки укреплялась шишечка из твердого материала (дерева, олова) высотой 2–3 см. К нижнему краю шапочки прикреплялись наушники в виде украшенных мелкими монетами лент. Шишечка и ближайшая к ней часть расшивались разноцветным бисером, а ближе к краю шапочки нашивались мелкие серебряные монеты. Такой головной убор носили и девушки низовых чувашей [12, б. 42]. В чувашском языке *тухъя* – старинный девичий головной убор [8, с. 264]. Такья / тухъя как головной убор девушек известен у башкир, удмуртов, мари и бесермян [5, с. 57–58]. Судя по материалам Н. И. Воробьева, «такья является девичьей разновидностью твердого высокого головного убора, общего для всех тюрков» [6, с. 9], [4, с. 145]. В. Г. Егоров и М. Р. Федотов также указывают на многочисленные соответствия из других языков и подчеркивают происхождение данного слова из арабского языка [8, с. 264], [14, с. 259].

Молькеевские крышенки отличаются наличием тастарного комплекса женского головного убора. У них не было сложного комплекса и его составных частей, как у других групп крышен. Основную функцию женского головного убора выполнял полотенцеобразный *тастар*, который представляет белое самотканое полотно длиной до 2 м и шириной 35 см; по краям этого полотна по всей длине проходит красная кайма. Концы тастара украшены мелкими многоцветными ткаными узорами. Композицию тканого узора дополняет тамбурная вышивка и неширокий белый кружевной узор. Поверх тастара молькеевская крышенка повязывала *тастар яулыгы* (платок тастар) [12, б. 46]. Тастар как головной убор известен у мишарей, башкир, бесермян, удмуртов и др. [4, с. 146]. В чувашском языке указывается как устаревшее слово, выражающее значение ‘головная повязка женщин’ и заимствованное из персидского языка [8, с. 233]. У чувашей существует похожий на тастар головной убор *сурпан*, который имеет различные виды, а название также заимствовано из персидского языка.

В праздничные дни молькеевские женщины надевали на голову *кашпау*, который имеет форму низкого усеченного конуса. Остов его изготовлялся из нескольких слоев стеганого холста и украшался снизу крупными, а сверху – мелкими блестящими монетами и бисером [12, б. 47]. Слово образовано от *каш* ‘бровь’ и *баг*, *бау* ‘повязка, завязка’. Такой головной убор и названия зафиксированы также и у других народов и групп, например у мишарей – *кашпау* или *кашмау*, у башкир – *кашмау*, у бесермян – *кашпу*, у чувашей – *хушту* [4, с. 145]. В чувашском языке *хушту* в 1960-е гг. указывалось как устаревшее слово. В. Г. Егоров определяет его как ‘старинный головной убор замужних женщин, унизанный серебряными монетами и бисером’ [8, с. 313], а М. Р. Федотов приводит слова Н. Ашмарина: «Хушту представляет из себя полотно в 5 четвертей, сшитое по форме; надевают на голову, и по спине тянется почти до колен, а форма постепенно суживается книзу. Хушту обвешан бусами, бусовидными кружочками овальной формы. Хушту надевался на голову заостренным концом кверху. Хушту носят на свадьбе» [14, с. 376–377].

Выводы. Подытоживая вышесказанное, можно прийти к выводу, что татары и чувашские долгое время жили соседями, в результате имели не только экономические и повседневные отношения, но и взаимное влияние языков. У молькеевских кряшен, проживающих в Татарстане на границе с Чувашией, употребляются чувашские заимствования, относящиеся больше к хозяйственно-бытовой лексике.

Рассмотрев основные головные уборы молькеевских кряшен, можно сделать вывод о том, что они являются древним элементом одежды тюркских народов Среднего Поволжья, Приуралья и имеют соответствия в чувашском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альмеева Н. Ю. Песни татар-кряшен. Вып. 2 : Молькеевская группа / под общ. ред. И. И. Земцовского. – СПб. ; Казань, 2012. – 472 с.
2. Ахвандерова А. Д. Общая лексика чувашского и волжско-финских языков // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2020. – № 3 (108). – С. 12–17.
3. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). – М. : Наука, 1978. – 248 с.
4. Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. – М. : Наука, 1986. – 248 с.
5. Беллицер В. Н. Народная одежда удмуртов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. – 144 с.
6. Воробьев Н. И. Кряшены и татары. Некоторые данные по сравнительной характеристике быта // Олд. оттиск из журнала «Труд и хозяйство». – 1929. – № 5. – 12 с.
7. Егоров В. Г. Русско-чувашский словарь / под ред. И. А. Андреева. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1960. – 497 с.
8. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
9. История и культура татар-кряшен (XVI–XX вв.) : колл. монография. – Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 960 с.
10. Кириллова З. Н. Чувашские и древнетюркские слова в говорах крещеных татар // Языковые контакты народов Поволжья и Урала : сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. А. М. Иванова, Э. В. Фомин. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – С. 72–75.
11. Молькеевские кряшены : сб. ст. / отв. ред. Д. М. Исхаков. – Казань : ИЯЛИ АНТ, 1993. – С. 4–25.
12. Мөхәмәдова Р. Г. Керәшен татарлары киеме. – Казан : Сүз, 2005. – 159 б.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. I : А-Р. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 470 с.
14. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. Т. II : С-Я. – Чебоксары : Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. – 509 с.
15. Чувашско-русский словарь. С приложением краткого грамматического очерка чувашского языка, составленного Н. А. Андреевым / под ред. М. Я. Сироткина. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. – 630 с.
16. Aniferova V. V., Kirillova Z. N., Alkaya E. Chuvash Loan Words in the Dialects of the Kreshin Tatars // Revista Entrelinguas. – 2021. – Vol. 7. – P. 22–30.

Статья поступила в редакцию 30.03.2022

REFERENCES

1. Al'meeva N. Yu. Pesni tatar-kryashen. Vyp. 2 : Mol'keevskaya gruppа / pod obshch. red. I. I. Zemcovskogo. – SPb. ; Kazan', 2012. – 472 s.
2. Ahvanderova A. D. Obshchaya leksika chuvashskogo i volzhsko-finskih yazykov // Vestnik ChGPU im. I. Ya. Yakovleva. – 2020. – № 3 (108). – S. 12–17.
3. Ahmet'yanov R. G. Sravnitel'noe issledovanie tatarskogo i chuvashskogo yazykov (fonetika i leksika). – M. : Nauka, 1978. – 248 s.
4. Bayazitova F. S. Govory tatar-kryashen v sravnitel'nom osveshchenii. – M. : Nauka, 1986. – 248 s.
5. Belicer V. N. Narodnaya odezhda udmurtov. – M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. – 144 s.
6. Vorob'ev N. I. Kryasheny i tatary. Nekotorye dannye po sravnitel'noj harakteristike byta // Otd. ottisk iz zhurnalа «Trud i hozyajstvo». – 1929. – № 5. – 12 s.
7. Egorov V. G. Russko-chuvashskij slovar' / pod red. I. A. Andreeva. – Cheboksary : Chuvash. gos. izd-vo, 1960. – 497 s.

8. Egorov V. G. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka. – Cheboksary : Chuvash. kn. izd-vo, 1964. – 355 s.
9. Istoriya i kul'tura tatar-kryashen (XVI–XX vv.) : koll. monografiya. – Kazan' : Institut istorii im. Sh. Mar-dzhani AN RT, 2017. – 960 s.
10. Kirillova Z. N. Chuvashskie i drevnetyurkskie slova v govorah kreshchenyh tatar // Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala : sb. st. XI Mezhdunar. simpoziuma (Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.) / sost. i otv. red. A. M. Ivanova, E. V. Fomin. – Cheboksary : Izd-vo Chuvash. un-ta, 2018. – S. 72–75.
11. Mol'keevskie kryasheny : sb. st. / otv. red. D. M. Iskhakov. – Kazan' : IYaLI ANT, 1993. – S. 4–25.
12. Məhəmədova R. G. Kerəshen tatarlary kieme. – Kazan : Syz, 2005. – 159 b.
13. Fedotov M. R. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka : v 2 t. T. I : A-R. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1996. – 470 s.
14. Fedotov M. R. Etimologicheskij slovar' chuvashskogo yazyka : v 2 t. T. II : S-Ya. – Cheboksary : Chuvash. gos. in-t gumanitar. nauk, 1996. – 509 s.
15. Chuvashsko-russkij slovar'. S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo ocherka chuvashskogo yazyka, sostavlenogo N. A. Andreevym / pod red. M. Ya. Sirotkina. – M. : Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1961. – 630 s.
16. Aniferova V. V., Kirillova Z. N., Alkaya E. Chuvash Loan Words in the Dialects of the Kreshin Tatars // Revista Entrelenguas. – 2021. – Vol. 7. – P. 22–30.

The article was contributed on March 30, 2022

Сведения об авторе

Кириллова Зоя Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и тюркологии Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия, <http://orcid.org/0000-0002-2486-9320>, zkirillova@yandex.ru

Author Information

Kirillova, Zoya Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Turkology, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, <http://orcid.org/0000-0002-2486-9320>, zkirillova@yandex.ru